

ДЖОН
КОННОЛЛИ

СТРАНА
ПОТЕРЯННЫХ
ВЕЩЕЙ

Книга II

INSPIRIA
Москва
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К64

John Connolly
THE LAND OF LOST THINGS

Copyright © 2023 by Bad Dog Books Limited.
This edition is published by arrangement with Darley Anderson
Literary, TV and Film Agency and The Van Lear Agency

Коннолли, Джон.

К64 Страна потерянных вещей. Книга 2 / Джон Коннолли ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-197264-6

Феба, восьмилетняя девочка, лежит в коме после автомобильной аварии. Она – тело без духа, похищенного кем-то очень злым. Церера, ее мать, может лишь сидеть у кровати дочери и читать вслух сказки, которые та любит, в надежде, что они смогут вернуть дочь в этот мир. Но хранить эту надежду трудно, очень трудно...

Церера узнает, что в старом заброшенном доме на территории больницы жил мальчик, который позже написал знаменитую и пугающую «Книгу потерянных вещей». Теперь этот дом взывает к Церере. Нечто хочет, чтобы она вошла в него и отправилась в путешествие – в страну, полную воспоминаний о детстве, в страну ведьм и дриад, гигантов и фейри. В страну, где, возможно, бродит дух ее дочери. Где поджидают старые враги – наблюдают за ней и ждут. И один из них – Скрюченный Человек – знает ответ на ее главный вопрос...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-197264-6

© Артём Лисочкин,
перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Кэмерону и Меган,
Алистеру, Аланне и Дженни —
всем уже достаточно взрослым,
чтобы вновь читать сказки.*

Книги — не мертвые совершенно вещи,
а существа, содержащие в себе семена жизни.

В них — чистейшая энергия и экстракт
того живого разума, который их произвел.

Джон Мильтон¹ «Ареопагитика»

А мы встаем, как солнце, и мы теперь везде...

Ник Дрейк² «С утра»

¹ Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель и мыслитель, автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Полемический трактат «Ареопагитика: Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии» был опубликован в 1644 г. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Николас Родни «Ник» Дрейк (1948–1974) — британский певец и автор-исполнитель, известный своими печальными, сумрачными песнями под акустическую гитару.

I

UNTCEARE

(староангл.)

Предрассветная бессонница из-за того,
что голова слишком занята мыслями
и тревогами

Долго ли, коротко ли — ибо именно так и должны продолжаться некоторые сказки, — но вышло так, что у одной матери украли дочь. Нет, она по-прежнему могла видеть свою девочку. Могла прикоснуться к ее щечкам и расчесывать ей волосы. Могла смотреть, как медленно поднимается и опускается ее маленькая грудь, а если б положила на нее руку, то ощутила бы, как где-то внутри бьется ее сердце. Но девочка молчала, и глаза у нее оставались закрытыми. Трубки помогали ей дышать, и трубки кормили ее, но для матери это было так, как будто сущность той, которую она любила, находилась где-то в совсем другом месте, а фигура в кровати была лишь пустой оболочкой — манекеном, ожидающим, когда витающая где-то бестелесная душа вернется и оживит его.

Поначалу мать верила, что ее дочка по-прежнему с ней, просто спит, и что звук любимого голоса, рассказывающего сказки и делящегося последними новостями, вдруг заставит ее проснуться. Но дни превращались в недели, а недели — в месяцы, и матери становилось все трудней сохранять веру в то, что эта внутренняя сущность по-прежнему где-то здесь, и она начинала все больше бояться, что все, что было ее дочкой, все, что придавало той смысл — ее разговоры, ее смех, даже ее плач, — может

уже никогда не вернуться, и она останется совершенно одна на белом свете.

Мать звали Церера, а ее дочь — Феба.

Некогда в их жизни присутствовал и мужчина — однако не отец, поскольку Церера отказывалась удостоить его этим словом: тот бросил их на произвол судьбы еще до рождения девочки. Насколько было известно Церере, жил он где-то в Австралии и никогда не проявлял никакого желания хоть как-то участвовать в жизни своей дочери. Честно говоря, Церера была довольна такой ситуацией. Она давно уже не испытывала к этому мужчине никакой любви, и его отстраненность ее вполне устраивала. Церера сохранила некоторую благодарность к нему за помощь в создании Фебы и иногда даже видела какую-то частичку его в глазах и улыбке своей дочери, но лишь мимолетно — словно какую-то полузабытую фигуру, промелькнувшую на станционной платформе за окном проезжающего поезда: замеченную, но почти сразу же забытую. Феба тоже проявляла к нему лишь минимальное любопытство, без сопутствующего желания вступать с ним в контакт, хотя Церера всегда уверяла ее, что она вполне смогла бы, если б захотела. Он не присутствовал ни в одной социальной сети, считая их делом рук дьявола, но несколько его знакомых пользовались «Фейсбуком»¹, и Церера знала, что они отправят ему сообщение, если потребуется.

Но такой необходимости никогда не возникало — по крайней мере, до того дорожного происшествия. Церера хотела, чтобы он знал о случившемся, — хотя бы потому, что это оказалось для нее слишком уж серьезным ударом, чтобы вынести его в одиночку, пусть даже все попытки поделиться своим горем не могли уменьшить его. И в итоге

¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей «Instagram» и «Facebook», принадлежащих компании «Meta Platforms Inc.», была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. — *Прим. ред.*

получила лишь краткое подтверждение от одного из его коллег: всего одну строчку, в которой сообщалось, что ее бывшему жаль слышать про эту «неприятность» и что он надеется, что Феба скоро поправится — как будто ребенок, который был частью его самого, боролся с гриппом или корью, а не с последствиями катастрофического столкновения автомобиля с хрупким телом восьмилетней девочки.

И впервые за все время Церера возненавидела отца Фебы, возненавидела почти так же сильно, как и того безмозглого придурка, который строчил за рулем эсэмэску — причем даже не своей жене, а любовнице, что выставило его не только полным кретином, но и обманщиком. Он появился в больницу только через несколько дней после наезда, вынудив Цереру потребовать, чтобы его немедленно вывели вон, не успев он и рта раскрыть. С тех пор этот тип не раз пытался связаться с ней, как напрямую, так и через своих адвокатов, но она не хотела иметь с ним никакого дела. Сначала даже не хотела выставлять ему иск в суде, хотя ей сказали, что это обязательно следует сделать — хотя бы для того, чтобы оплачивать уход за дочерью, поскольку кто знает, как долго Феба сможет выносить подобное существование на грани смерти, пока медсестры регулярно переворачивали ее, чтобы на ее бедной коже не образовывалось пролежней, а жизнь в ней поддерживала лишь всякая медицинская аппаратура. Сразу после наезда Феба ударилась об асфальт головой, и поэтому, пусть даже все остальные ее травмы понемногу заживали, что-то в мозгу у нее по-прежнему оставалось поврежденным, и никто не мог сказать, когда это сможет восстановиться само по себе и сможет ли вообще.

Церере открылся совершенно новый запас слов, совершенно чуждый ей способ интерпретации пребывания человека в этом мире: церебральная эдема, диффузное аксональное повреждение и, что самое важное для матери и ребенка, «шкала комы Глазго», показатель, отныне опре-

деляющий состояние сознания Фебы, — а следовательно, скорее всего, и ее шансы на жизнь. При менее пяти баллах по зрительным, вербальным и моторным реакциям вероятность умереть или навсегда остаться в вегетативном состоянии составляет восемьдесят процентов. Стоит набрать больше одиннадцати, и шансы на выздоровление оцениваются уже в девяносто процентов. Зависни, как Феба, между этими двумя цифрами, и, короче говоря...

Ствол головного мозга у Фебы не был мертв, и это самое главное. В ее мозгу все еще слабо мерцала активность. Врачи считали, что Феба не испытывает страданий, но кто может сказать такое наверняка? (Это всегда произносится мягко и в самом конце, почти как некая запоздалая мысль: «Кто может сказать наверняка? Видите ли, мы просто не знаем. Мозг — это такой сложный орган... Мы *не думаем*, что она испытывает какую-то боль, хотя...») В больнице уже состоялся разговор, в ходе которого было высказано предположение, что если в дальнейшем у Фебы не будет никаких признаков улучшения, было бы гуманней — на этом месте переменив тон и подпустив легкую печальную улыбку — «отпустить» ее.

Церера отчаянно искала на лицах врачей надежду, но находила одно лишь сочувствие. А она не нуждалась в сочувствии. Она просто хотела, чтобы ей вернули дочь.

* * *

29 октября: это был первый день, когда Церера пропустила посещение больницы — впервые не навестила Фебу после наезда. Тело Цереры просто не хотело подниматься с кресла, на которое она присела, чтобы немного отдохнуть. Она была слишком уж измучена, слишком измотана, поэтому закрыла глаза и снова заснула. А позже, проснувшись в том же кресле при свете зари, ощутила такое чувство вины, что расплакалась. Проверила свой телефон, уверенная, что пропустила сообщение из больни-

цы, информирующее ее о том, что в ее отсутствие — нет, *из-за* ее отсутствия! — Феба скончалась, и свет ее дочери наконец навсегда погас. Но никаких сообщений не было, и, когда Церера позвонила в больницу, ей сказали, что все как всегда — а вероятно, как будет и впредь: полная неподвижность и молчание.

Это было только начало. Вскоре Церера стала бывать в больнице всего пять дней в неделю, а иногда даже и четыре, и так это продолжалось и до сих пор. Ее чувство вины немного притупилось, хоть и продолжало витать где-то на заднем плане — серая тень, похожая на привидение. Тень эта бродила в полумраке гостиной в те утренние и послеобеденные часы, когда Церера сидела дома, а иногда она видела ее отражение в экране телевизора, когда выключала его перед сном — размытое пятно на фоне темноты. У этого призрака было много лиц, иногда даже ее собственное. В конце концов, она была матерью, которая произвела на свет ребенка, а затем не смогла защитить его, позволив Фебе вырваться всего на несколько шагов вперед, когда они переходили через Бэлхэм-Хай-роуд¹. Они были всего в нескольких футах от тротуара, и на переходе было тихо, когда Феба вдруг вырвала руку. Это была всего лишь секундная рассеянность, но через пару мгновений перед глазами у нее что-то промелькнуло, слышался глухой удар, и ее дочь, какой Церера ее знала, исчезла. Оставив вместо себя лишь подмышка, словно подброшенного похитившими ее злобными эльфами.

И все же то, что почти незримо обитало в темноте, было проявлением не только чувства вины, но и чего-то более древнего и неумолимого. Это была сама Смерть, тем более что это зловещее «нечто» представлялось почему-то исключительно в женском облике. В самые тя-

¹ Бэлхэм-Хай-роуд — центральная улица оживленного района Бэлхэм на юге Лондона, популярного среди молодых семей.

желые ночи в больнице, проваливаясь в беспокойный сон рядом со своей дочерью, Церера чувствовала, как Смерть витает где-то совсем рядом, выискивая свой шанс. Смерть настигла бы Фебу еще на Хай-роуд, если б та чуть по-сильней ударилась головой об асфальт, но дочь все равно оставалась мучительно недосыгаемой. Церера ощущала нетерпение Смерти и слышала ее голос, такой почти добрый и ласковый: «Когда это станет совсем уж невыносимо, ты только попроси, и я освобожу вас обеих...»

И порой едва удерживалась от того, чтобы сдаться.

II

PUTHERRY

(стаффордширск.)

Глубокое, влажное затишье перед грозой

Церера появилась в больнице немного позже обычного, промокнув под дождем. Под мышкой она держала книжку сказок, которую Феба любила с самого детства, но сама никогда не читала. Это была книга, которая всегда ассоциировалась у дочери только с чтением вслух, и обычно на ночь, так что вся ее привязанность к этой книжке и все могущество той были тесно связаны со звуком голоса ее матери. Даже став постарше, Феба по-прежнему получала удовольствие от того, что Церера читала ей вслух, — но только из этой книги и только тогда, когда ей было грустно или тревожно. Сборник сказок был потрепан по краям, захватан пальцами и кое-где залит чаем, но это была *их* книга — символ связи между ними.

Отец Цереры однажды сказал ей, что книги сохраняют следы всех тех, кто их читает, — в виде чешуек кожи, видимых и совсем крошечных волосков, сала с кончиков пальцев, даже крови и слез, — поэтому как книга становится частью того, кто ее читает, так и читатель тоже ста-

новится частью книги. Каждый такой том — это задокументированный перечень тех, кто открывал его страницы, архив как живых, так и давно усопших. Церера решила, что если Феба умрет, то эту книгу сказок следует похоронить вместе с ней. Дочь сможет взять ее с собой в загробный мир и держать при себе, пока к ней не присоединится ее мать, — поскольку Церера знала, что если Феба угаснет, то пройдет совсем немного времени, прежде чем она сама последует за ней. Она не хотела оставаться в мире, в котором ее дочь превратится в воспоминание. И ей думалось, что это также могло быть причиной того, почему она не находила утешения в просмотре видео с Фебой на своем телефоне или прослушивании записей ее голоса. Это были реликты, тотемы из прошлого, похожие на привидения, а Церера желала не ту Фебу, которая ушла, а ту Фебу, которой пока еще нет.

Доска объявлений рядом с главным входом в больницу напоминала родителям, что группа поддержки для тех, кто имеет дело с больным ребенком, собирается по средам, а в конце будут предложены легкие закуски и напитки. Церера присутствовала на такой встрече всего лишь однажды, ни разу не подав голоса, тогда как остальные наперебой делились своей болью. Некоторым родителям приходилось гораздо хуже, чем Церере. У нее все еще оставалась надежда на Фебу, тогда как в тот вечер ее окружали матери и отцы, чьим детям никогда не было суждено поправиться и дожить до зрелого возраста. Этот опыт заставил Цереру почувствовать себя еще более подавленной и рассерженной, чем обычно. В результате она так и не появилась там еще раз, а когда проходила мимо кого-нибудь из родителей из группы, то всячески старалась не попадаться им на глаза.

Она также сознавала, что несчастный случай с Фебой привел к изменению ее собственной личности. Церера больше не была самой собой, теперь она была «матерью

Фебы». Именно так частенько именовал ее между собой персонал больницы — «пришла мама Фебы», «мама Фебы хочет знать, что нового», — прямо как родители детей, с которыми Феба раньше ходила в школу. Церера теперь не была самостоятельной личностью, а определялась исключительно как нечто имеющее непосредственное отношение к ее больному ребенку. Казалось, это лишь усиливало не оставляющее Цереру чувство растерянности и нереальности происходящего, как будто она почти видела, как исчезает и сама — точно так же, как ее дочь.

Когда она вошла в палату Фебы, с ней поздоровалась медсестра — та самая Стефани, которая была там в тот первый вечер, когда Феба и Церера были обе перемазаны одной и той же кровью. Церера практически ничего не знала о Стефани, кроме ее имени, поскольку никогда не спрашивала. После наезда интерес Цереры к жизни окружающих ее людей в значительной степени угас.

Стефани указала на книгу.

— Как обычно, я погляжу, — заметила она. — Они никогда им не надоедают, точно?

Церера почувствовала, как у нее защипало в глазах от этой маленькой доброты — предположения, что Феба, где бы она сейчас ни была, могла и вправду следить за тем, что происходит в сказках, ощущать постоянное присутствие матери, и что врачи, может, еще сумеют вдохнуть в нее жизнь.

— Да, это уж точно, — ответила Церера. — Хотя... — Она оборвала себя. — Ладно, не важно.

— Наверное, — сказала Стефани. — Однако если вдруг передумаете и решите договорить, просто дайте мне знать.

Но она не ушла и дальше выполнять свои обязанности, и Церера поняла, что у медсестры к ней есть еще какое-то дело.

— Прежде чем вы уйдете, мистер Стюарт хотел бы перекинуться с вами парой слов, — продолжала Стефани. —

Если вы заглянете на сестринский пост, когда выпадет свободная минутка, я отведу вас к нему.

Мистер Стюарт был лечащим врачом Фебы, ответственным за все проводимые с ней процедуры. Он был терпелив и заботлив, но Церера по-прежнему относилась к нему с некоторым подозрением, поскольку он был еще относительно молод. Она не верила, что мистер Стюарт прожил достаточно долго — или, правильней сказать, достаточно настрадался, — чтобы быть способным должным образом справляться со страданиями других. И было что-то в лице медсестры, что-то у нее в глазах, что подсказало Церере, что этот разговор не принесет ей никакого облегчения. Она ощутила приближение конца.

— Обязательно загляну, — пообещала Церера, уже мысленно представляя себе, как убегает из больницы, прижимая к груди свою дочь в простыне, похожей на саван, — только для того, чтобы эту простыню сорвало ветром и та взмыла высоко в воздух, как улетающий в небеса призрак, оставив ее тарашиться на свои пустые руки.

— Если меня там не будет, просто попросите кого-нибудь вызвать меня по пейджеру, — добавила Стефани.

И вот оно опять, на сей раз в улыбке медсестры — печаль, сожаление...

«Это просто кошмарный сон... — подумала Церера. — Кошмарный сон наяву, и только смерть положит ему конец».

III

WANN

(староангл.)

Густо-темный цвет грачиных перьев

Церера читала Фебе едва ли не целый час, но если бы кто-нибудь попросил ее изложить суть какой-нибудь из сказок, она бы не смогла — в таком пребывала смятении.